

Религиозный фактор в политических процессах на Северном Кавказе (конец XX – начало XXI в.)

Семед Семедов,
кандидат философских наук

Формирование гражданского общества в России тесно связано с религиозным составляющим общества. Бурные и динамичные политические процессы, происходящие на Северном Кавказе в конце XX – начале XXI вв., как и раньше, тесно переплетены с религиозными и этническими проблемами региона. Рассматривая религиозный фактор в регионе, не следует его абсолютизировать и преувеличивать его влияние на политические процессы.

Однако исторический опыт человечества показывает, что в периоды социальных потрясений и, соответственно, обострения социальной напряженности, религиозные и этнические аспекты превращаются в доминирующие факторы политики.

Северный Кавказ является не только одним из регионов России (в географическом смысле), но и самым полиэтничным* и одним из поликонфессиональных регионов. Тесно связан с политическими процессами и демографический фактор: рождаемость в регионе самая высокая в Российской Федерации. Кавказ, в целом, относится к территории “межконфессионального пограничья, наполненным конкретным драматическим содержанием”¹: демографический фактор может привести к соци-

альным, культурным и политическим изменениям.

Выдающийся русский философ И.А.Ильин, отмечая особенность связи религии и политики, писал: “Государственный строй не есть пустая и мертвая “форма”: он связан с жизнью народа, с его природою, с климатом, с размерами страны, с ее историческими судьбами и – еще глубже с его характером, с его религиозною верою, с укладом его чувства и воли, с его правосознанием,- словом, с тем, что составляет и определяет его национальный акт”. То есть, государственный строй есть живой порядок, вырастающий из всех этих

* По данным Госкомстата РФ, население восьми северокавказских республик составляет 6,9 млн. чел., представляющих более 50 этносов.

данных, по-своему выражают и отражающие их, приспособленный к ним и неотрывный от них. Это не "одежда", которую народ может в любой момент сбросить, чтобы надеть другую; это есть скорее органически – прирожденное ему "строение тела", это его костяк, который несет его мускулы, его органы, его кровообращение и его кожу"².

Рассматривая религиозный фактор в политических процессах на Северном Кавказе, необходимо исходить из того, что, несмотря на всю особенность региона, он тесно интегрирован в российское общество, является составной частью страны.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 18), каждому гражданину гарантирована свобода совести и вероисповедания, а религиозные объединения отделены от государства (ст. 14). Но такой директивный подход не означает, что религиозные организации не задействованы в формировании общественно-политического сознания и не могут оказывать влияние на государственную политику. И христианству, и буддизму, и исламу присущи нормы, регулирующие поведение людей. В частности, нормы ислама участвуют в формировании правомерного поведения, упрочения национально-государственного устройства. При определенных условиях, отдельные деятели могут использовать их и во вред обществу, что наглядно продемонстрировали события двух последних десятилетий на Кавказе.

Для того, чтобы найти какие-то критерии оценки событий на Северном Кавказе, необходимо четко определить место и роль ислама в становлении и укреплении, как современного российского демократического правового государства, так и гражданского общества. Религия находится в тесной связи с государством. Связующим звеном для них является не только верующая часть населения, но и цель, которая едина у религии и государства. Эта цель,

по мнению И.А.Ильина, одухотворяющее преобразование жизни. Государство, по его мнению, нуждается не только в послушании церковному руководству и не в конфессиональных расприях, а в подлинной, свободной религиозности народа. Вызвать же к жизни эту религиозность власть не в силах; но оградить ее зарождение и расцвет есть прямая обязанность государства; мало того – это для него вопрос бытия. Свобода совести есть залог политического расцвета; и только она может создать то, что не создает никакое искусственное насаждение вероисповеданий³.

Государство в своей политике не может игнорировать религию, ибо последняя является, наряду с политикой, экономикой, социальной и духовно-культурной сферой важнейшим элементом и составляющей общества и все они находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Религия пронизывает традиции и обычай народов.

Исторические и местные традиции, согласно ст. 131 Конституции РФ, являются одним из основных источников российского муниципального права. Согласно ст. 130 и 131 Конституции РФ, отношения государства и населения непосредственно строятся и через нормы религии. Это относится и к мусульманоаселяющим субъектам России.

Ислам на территории России имеет свои отличительные черты, порожденные как спецификой ислама в целом, так и российскими реалиями

Во-первых, это – многоличность ислама, обусловленная этнической пестротой российских мусульман, их принадлежностью к разным направлениям (*сунниты, шииты*), к разным доктрино-правовым школам (*хани-*

фиты, шафииты), к разным суфийским братствам (накибандия, кадирия, иясавийя).

Во-вторых, незнание российскими мусульманами арабского языка, низкий уровень религиозных знаний, слабое развитие исламских институтов, утрата исламской правовой культуры.

В-третьих, имело место изоляция советских и российских мусульман от остального исламского мира в целом, утрата связей с мусульманской культурой, замена арабской графики на кириллицу, массовое уничтожение арабографических рукописей и книг, что вызвало перерыв в передаче духовного наследия.

Антирелигиозная пропаганда в СССР привела к тому, что формирование религиозного сознания мусульман оказалось в руках малограмотных “знатоков” ислама.

Подпольно действовали “неофициальные” мечети, “домашние” школы по изучению Корана. Доморошенные “наставники” внедряли в сознание людей переосмыслиенные в исламском духе народные представления и домыслы⁴.

Неглубокое знание основ ислама “наставниками”, низкий уровень их конфессиональной культуры, а также отсутствие опыта решения социальных проблем на основе исламских принципов предопределили национально-политическую направленность “исламского возрождения” на постсоветском пространстве. К тому же рост этнического самосознания в национальных республиках привел к поиску виноватых как в социальных проблемах, так и в этнических.

Следует отметить, что во всех северокавказских республиках срабатывает такой важный элемент этнического самосознания, как историческая память.

В научной литературе, в печати, как на федеральном, так и на местном уровнях широко обсуждаются проблемы, касающиеся присоединения (или завоевания), депортации, гонений отдельных народов. В Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карабаево-Черкессии, Адыгее издаются “исторические очерки” не только по каждому этносу, но и чуть ли ни по каждому аулу.

Историческая память, как известно, включает в себя символы, героев, знаковые события в жизни народа: их находят, возвеличивают; история переписывается заново.

С участием исламских общественных деятелей Средиземноморья в Махачкале проводится: Международный конгресс соотечественников (1992 г.), Конференция к 200-летию рождения имама Шамиля (1997 г.), Всероссийская конференция “Ислам на Северном Кавказе: история и современность” (2006 г.).

Состоялся Всемирный конгресс черкесов. Вместо запланированного Конгресса жителей Чечни с участием представителей всех национальностей, ранее проживавших на территории Чечни, планируется проведение Всемирного конгресса чеченцев.

Лидеры и активисты национальных движений муссировали в СМИ, научной и околонаучной литературе трудные и трагические эпизоды истории своих народов и стали требовать от местных и центральных властей немедленного восстановления “справедливости”.

Известный ученый Л.Р.Сюкяйнен отмечает, что “на Северном Кавказе наблюдается сложная ситуация в связи с тем, что здесь осуществляется политика светского государства в отношении не совсем светского общества”⁵. Подобное мнение спорно, так как назвать “не совсем светским” северокавказское общество, прошедшее через 70 лет Советской власти, не совсем правильно.

Необходимо отметить, что процесс исламизации на Северном Кавказе продолжается до сих пор, что оказывает существенное влияние на полити-

ческие процессы в регионе. Доисламизация в Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии и других республиках Северного Кавказа на рубеже веков – естественный и неизбежный процесс. Однако две чеченские войны не только до крайности форсировали этот процесс, но и сделали конфессиональные различия между русскими и чеченцами фактором обособленности и отторжения двух народов. Еще в 1992–1993 гг. новое руководство Чечни во главе с Д.Дудаевым обратилось к исламу как к средству политической борьбы, орудию давления и критики политических противников. Толчком к бурной исламизации стало провозглашение чеченского сопротивления России джихадом – священной войной.

Общественное мнение постепенно склонялось к тому, что "религия должна определять все сферы общественной жизни": так считали 60% респондентов-чеченцев в 1997 г.⁴.

В период конфликта четко выявилось двоякое проявление ислама – как фактора этнокультурного самосознания, идеологии сопротивления и как инструмент политики.

Исламизации в Чечне способствовали президентские выборы в Чечне в 1997 г. Все кандидаты вели кампанию под лозунгом установления "исламского порядка". Однако последующие события в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, а также террористические акции мусульман-террористов в Москве, Волгодонске, Каспийске, Беслане привели к дискредитации "революционного", "романтического" ислама не только в российском обществе, но и в мире в целом.

О становимся на проблеме исламского возрождения в целом и особенности ее проявления на Северном Кавказе.

Исламское возрождение отличается от христианского в постсоветский период.

Во-первых, ислам по сравнению с христианством сумел сохранить большое воздействие на своих приверженцев.

На Северном Кавказе практически 100% похорон в советский период проходило по мусульманскому обряду с присутствием мула и исполнением заупокойной молитвы – ясина. В Чечено-Ингушетии, Дагестане мусульманские праздники Ураза-байрам, Курбан-байрам, Новруз-байрам отмечались практически в каждом ауле.

Сопротивляемость ислама атеизму была более энергична и глубока, он имел органичную этно-социальную культуру и среду.

Во-вторых, ислам в России – религия национальных меньшинств: это было средством их самосохранения и выживания, элементом этнического самосознания и самоидентификации. Можно констатировать, что в советский период ислам на Северном Кавказе оставался частью "религиозного наследия, призванного в качестве культурного и духовного достояния народов". Ислам продолжал существовать в латентной форме весь советский период истории.

В-третьих, к возрождению ислама в России причастны зарубежные мусульманские государства: происходит процесс духовного воссоединения российских мусульман с единоверцами в мире, развитие у них ощущения, что они часть исламского мира. С начала 90-х годов количество паломников в Мекку из России увеличилось в десятки раз, часто расходы на хадж брала на себя принимающая сторона – Саудовская Аравия.

В-четвертых, исламское возрождение не является чисто религиозным процессом. Глубокое внедрение ислама в политику России, по мнению известного исламоведа А.Малашенко, может воздействовать на расстановку сил в обществе на региональном уровне и оказать впоследствии некоторое влияние на внешнюю политику России⁷.

Рассматривая проблему влияния религии (ислама) на политические процессы на Северном Кавказе, необходимо разобраться с особенностями регионального ислама. В постперестроечный период внутриконфессиональные процессы в регионе приобрели форму идеологического противостояния и частичного взаимодействия “народного” ислама – практического суфизма, с одной стороны, и различных течений исламского традиционализма (в том числе и так называемого фундаментализма), с другой, в зависимости от реальной политической позиции каждого человека и его рода (общины).

Основное значение исламского фундаментализма необходимо ограничить идейным течением *ас-салафия*, ратующим за возврат к чистоте первородного ислама и образу жизни ранней исламской общины. Стихийный поиск справедливости всегда заставляли мусульман обращаться к своим религиозным истокам.

“Нередко под фундаментализмом подразумевают все формы политического экстремизма, обличенного в исламские одежды, хотя “политическое и “этическое” вытекает из особенностей эволюции общественной организации, где конфессиональный компонент ... играет лишь опосредованную ... роль”⁶.

Кроме того, любой социальный протест различных групп, кланов, элит в условиях мусульманского общества приобретают характерные черты религиозных движений: политические интересы отдельных социальных групп облекаются в форму понятных для народа религиозных призывов и лозунгов.

Традиции ислама на Северном Кавказе носят синcretический характер, которые представляют сложное переплетение дорелигиозных (домонотеистических) верований (магии, фетишизма, анимализма, нагуализма и т.д.) и традиций арабского ислама.

На Северном Кавказе исламский традиционализм и традиционный ислам – понятия, противоположные по содержанию: традиционной формой бытования ислама здесь является практический *суфизм*, а противостоят ему духовные течения, представляющие исламский традиционализм.

“Народный” ислам на Северном Кавказе представляют шейхи религиозных орденов *накшбандийя, ашиазилий и ал-кадирий*.

По мнению В.О.Бобровникова, в одном только Дагестане насчитываются несколько десятков *вирдов* (религиозных общин), большинство из которых относится к *накшбандийскому тарикату*⁸.

Численный состав суфийских общин составляет сотни тысяч человек.

Наиболее влиятельный из суфийских шейхов в регионе – Саид-апанди Черкеевский. У него много последователей по всей России. Саид-апанди является шейхом одновременно *накшбандийского* и *шазилийского тариката*.

Большинство чеченских вирдов придерживаются традиций шейха Кунта-хаджи, а через него – *кадирийского тариката*.

Мечеть – усыпальница Абд аль-Кадира ал-Джилани в Багдаде до сих пор является местом паломничества чеченцев и ингушей.

Число наиболее влиятельных вирдов в Чечне колеблется между пятью и шестью, однако, именно они обладают наибольшим влиянием в чеченском обществе. В Надтеречном районе Чечни, где ни Дуда-

ев, ни Масхадов не смогли полностью установить свою власть, много последователей ордена накшбендийя Дени-шейха. В пограничных с Дагестаном горных районах Чечни сохранились общины последователей Узун-хаджи.

В Ингушетии, как и в Чечне, кадирийский тарикат имеет большее влияние, чем накшбендийский.

Можно говорить о преобладании в отдельных частях региона практического суфизма, который в реальной действительности чаще всего воспринимается в качестве нормальной мусульманской практики.

Какими бы особенностями не отличался Северный Кавказ от других регионов России, все политические, религиозные и социальные процессы там должны происходить в едином правовом поле, определенном Конституцией Российской Федерации.

Примечания

- ¹ Малащенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. М.: Изд-во “Весь мир”, 2006. С. 21.
- ² Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. В 2-х томах. Т. 1. М., 1992. С. 183.
- ³ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 219.
- ⁴ Ермаков И.А. Ислам в культуре России в очерках и образах. М., 2001. С. 437–438, 462.
- ⁵ Сюккийнен Л.Р. Ислам на Северном Кавказе // www/libfl.ru.
- ⁶ Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия “Райхан ал-хака ик” (XI–XII). М.: Восточная литература, 2003. С. 689, 692.
- ⁷ Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- ⁸ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана М.: Восточная литература, 2002.